
Научная статья

УДК 91:314

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-3-66-47-57

**ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ, ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ «СТРАНЫ ТАУСТАН»:
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПИСЬМЕННЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ
ЭВЛИЯ ЧЕЛЕБИ (1666 г.)**

Заурбек Анзорович Кожев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© З.А. Кожев, 2025

Аннотация. Изучение социально-политической истории черкесов и других народов Северо-Западного и Центрального Кавказа наталкивается на ряд объективных трудностей, связанных со скудостью письменных источников и их противоречивостью. Корпус русских архивных документов, появляющийся с момента установления прочных политических и экономических связей Кабарды с Московским царством, не всегда адекватно отражает все аспекты исторического процесса, имевшего место в столь обширном и разнообразном регионе в период раннего Нового времени. Одним из развернутых нарративов, посвященных описанию земель Северного Кавказа, является «Книга путешествий» турецкого автора Эвлия Челеби, который в 1666 г. проделал путь от Тамани на крайнем Западе Черкесии до Терской крепости в Дагестане и, как очевидец, описал свои дорожные впечатления и собранную информацию. Одной из территорий, посещенных и подробно описанных турецким путешественником, является «страна Таустан» на Центральном Кавказе. Ее географические, демографические и этнополитические параметры противоречивы и нуждаются в интерпретации с привлечением более ранних, синхронных и ретроспективных данных других письменных источников. В первую очередь, архивных документов, связанных с освещением кабардино-русских отношений в XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: Черкесия, Центральный Кавказ, Кабарда, Талостаней, Джилах-станей, письменные источники, Эвлия Челеби

Для цитирования: Кожев З.А. Географические, демографические и этнополитические параметры «страны Таустан»: интерпретация письменных свидетельств Эвлия Челеби (1666 г.) // Вестник КБИГИ. 2025. № 3 (66). С. 47–57. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-3-66-47-57

Original article

**GEOGRAPHICAL, DEMOGRAPHIC
AND ETHNOPOLITICAL PARAMETERS OF THE «COUNTRY OF TAUSTAN»:
INTERPRETATION OF WRITTEN TESTIMONY
OF EVLIYA CHELEBI (1666)**

Zaurbek A. Kozhev

Institute for the Humanitarian Research – affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the

Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© Z.A. Kozhev, 2025

Abstract. The study of the socio-political history of the Circassians and other peoples of the North-Western and Central Caucasus collides a number of objective difficulties associated with the scarcity of written sources and their contradictory nature. The framework of Russian archival documents that has appeared since the establishment of strong political and economic ties between Kabarda and the Muscovy does not always adequately reflect all aspects of the historical process that took place in such a vast and diverse region during the early Modern times. One of the expanded narratives dedicated to the description of the lands of the North Caucasus is the «Book of Travels» by the Turkish author Evliya Celebi, who in 1666 traveled from Taman in the far west of Circassia to the Terek fortress in Dagestan and, as an eyewitness, described his impressions of the journey and the information he had collected. One of the territories visited and described in detail by the turkish traveler is the «country of Taustan» in the Central Caucasus. Its geographic, demographic, and ethnopolitical parameters are contradictory and require interpretation using earlier, contemporaneous, and retrospective data from other written sources. First of all, from archival documents related to the coverage of kabardian-russian relations in the XVII–XVIII-th centuries.

Keywords: Circassia, Central Caucasus, Kabarda, Talostaney, Dzhilyakhstaney, written sources, Evliya Celebi

For citation: Kozhev Z.A. Geographical, demographic and ethnopolitical parameters of the «country of Taustan»: interpretation of written evidence by Evliya Celebi (1666). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 3 (66): 47–57. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-3-66-47-57

Изучение ранней политической и социально-экономической истории Кабарды, реконструируемой отчасти на основании устных преданий, отчасти на основании письменных источников, испытывает объективные трудности в связи со скудостью актового материала, который мог бы стать прочным фундаментом в накоплении статистических данных о базовых географических, демографических и иных параметрах княжества [Ногмов 1994; Султан Хан-Гирей 2009; Дзамихов 2001; Бгажноков 2004; Налоева 2015; Кожев 2020a; Кожев 2020b и др.]. Тем более, что они динамически и очень существенно менялись на протяжении XV–XVIII вв. в связи со сложной военно-политической обстановкой в регионе, развитием удельной системы и феодальными войнами, которые способствовали массовым перемещениям населения, эволюции социальной структуры, перекраиванию внутренних границ в княжестве. Поэтому любые письменные источники, основанные на личных впечатлениях и информации, собранной непосредственно на территории Черкесии, имеют особую историографическую ценность. Одним из таких источников является «Книга путешествий» Эвлия Челеби, который пересек Черкесию с Запада на Восток в свите смещенного с престола крымского хана Мухаммед-Гирея IV (дважды в 1641–1644 и 1654–1666 гг.). Его путешествие по Черкесии продлилось с «10 шеввала [1075] (15 апреля 1666) года» когда он в числе сопровождающих изгнанного из Крыма Мухаммед-Гирея вступил в «страну Черкесстан», а завершилось «в начале месяца зилькаде 1076 (5 мая 1666) года» после пересечения условной «...границы исламского Дагестанского падишахства» [Челеби 1979: 42, 52, 104]. За двадцать дней Эвлия Челеби со своими спутниками проделал долгое путешествие, преодолел примерно 900 километров и посетил земли практически всех феодальных владений Княжеской Черкесии [Челеби 1979: 52–103]. Работа Эвлия Челеби не безупречна как исторический источник. Она отражает уровень географических и исторических познаний той эпохи и той цивилизации, к которой принадлежал автор. Многообразные сведения о Черкесии и черкесах, содержащиеся в соответствующих главах «Книги путешествий» Эвлия Челеби нуждаются в критическом анализе и корректной интерпретации. Они могут

послужить ценным дополнением к тем сведениям, которые мы находим в архивных документах XVII–XVIII вв. и других письменных источниках [МПИО 1933; КРО 1957а; КРО 1957б; АБКИЕА 1974 и др.]. Данная статья посвящена анализу и интерпретации сведений Эвлия Челеби о «стране Таустан» – крайней восточной провинции Черкесии. Нас интересуют ее географические, демографические и этнополитические параметры. Переводчики и составители примечаний к «Книге путешествий» Эвлия Челеби допустили простое отождествление «страны Таустан» с Малой Кабардой: «Таустан (или Таусултан) – адыгейское племя. Речь идет о кабардинцах Малой Кабарды. Таустан (или Таусултан) – родоначальник княжеского рода, имевшего самое значительное владение в Малой Кабарде» [Эвлия Челеби 1979: 220]. Подобное отождествление содержит ряд существенных погрешностей. Термин «племя», тем более адыгейское, или даже адыгское, не применим к политониму Талостаней (досл. «владение Талостана»), возникшему в первой трети XVI в. и просуществовавшему вплоть до пресечения этого владетельного дома в XIX в. [Налоева 2015: 10; КРО 1957а: 383–384, 386–387]. Кроме того, очевидная связь эндогенного политонима Талостаней с номеном «Таустан», используемым автором, не достаточное основание для того, чтобы допустить простое тождество. Географические, демографические параметры «страны Таустан» и некоторые другие косвенные данные, касающиеся этнокультурного облика населения данной территории, приводимые Эвлия Челеби, не допускают этого тождества, вызывают ряд вопросов, удовлетворительное решение которых и является задачей нашего небольшого исследования.

Работа Эвлия Челеби уже использовалась учеными, занимавшимися проблемой оценки демографических ресурсов различных адыгских субэтносов в XVII в. Так, в одной из своих статей Б.Х. Бгажноков попытался определить демографические параметры Черкесии, в том числе «страны Таустан», в XVII в., опираясь на статистические данные из «Книги путешествий». Для этого автор ввел концепт «воинский класс» и путем сложных вычислений попытался реконструировать его общую численность, внутреннюю структуру и долю в общей массе населения Княжеской Черкесии [Бгажноков 2004]. Подробный анализ данной статьи не входит в задачи нашего исследования, но в части, посвященной оценке демографических параметров «страны Таустан», мы коснемся системы доводов уважаемого автора и предложим свою интерпретацию статистических данных Эвлия Челеби.

Повествование турецкого путешественника представляет собой яркий пример средневекового мышления, сформированного мифологическими, религиозными представлениями и полуполюгендарной древней историей. Оно часто несовместимо с требованиями простой достоверности, содержит совершенно баснословные сюжеты, действующими лицами которых выступают даже существа сверхъестественные, например степные колдуны – оюзы [Челеби 1979: 66]. Однако в целом, текст «Книги путешествий», посвященный путешествию по Черкесии, фиксирует многие особенности системы хозяйства, жизнеобеспечения, религиозных и погребальных обрядов, элементы военной культуры традиционного адыгского общества, хорошо известные по этнографическим и иным источникам [Челеби 1979: 52–103]. Названия «черкесских племен», их ногайских соседей, имена некоторых правителей-«беев», общее содержание сюжетов недавней истории, например сокрушительного разгрома калмыцкого войска объединенными силами Кабарды (Большой Кабарды) и части Малого Ногай, также имеют твердую содержательную основу и подтверждаются синхронными архивными документами [Челеби 1979: 52–92; КРО 1957а: 242–244]. Одним из слабых мест путевых заметок Эвлия Челеби является путанность его географических представлений и, как следствие, затруднительность в интерпретации целого ряда упоминаемых им топонимов, хотя большинство из них идентифицируется вполне надежно.

Так, «страна Таустан» автора «Книги путешествий» предстает перед нами как крайний восточный предел черкесских владений, граничащий с Кабардой (Большой Кабардой русских источников). Последняя локализуется Эвлия Челеби в районе Верхнего Прикубанья и Пятигорья [Челеби 1979: 80–92]. Интересующий же нас раздел называется «Огромная страна Таустан» и начинается с краткого определения ее географических пределов: «Это удивительно большая страна. Один край ее, на Севере, простирается до Московской земли. Другой край ее, на востоке, граничит со страной дагестанского падишаха. Южная оконечность этой страны у подножия горы Эльбрус граничит с владениями Дадияни (т.е. с Мегрельским княжеством – К.З.)» [Челеби 1979: 92–93]. При всей кажущейся определенности этого краткого описания, оно оставляет много вопросов. Как далеко на севере начинаются владения «Московской земли»? Где конкретно граничит «Таустан» со страной «дагестанского падишаха»? Даже обозначение «южной оконечности этой страны у подножия горы Эльбрус», звучит неоднозначно, если понимать под этим определением только высочайшую вершину Кавказа, которая по отношению к основной территории «Таустана» находится скорее на юго-западе ареала. Вступление в пределы крайнего восточного владения Черкесии Эвлия Челеби описывает подробно, что позволяет более однозначно определить линию разграничения Кабарды (Большой Кабарды) и «Таустана»: «Кабак Адем находится под властью таустанского султана. В девяти часах пути от него находится река Балык (т.е. Малка, по черк. Балъкъ – К.З.). Она тоже берет свое начало на горе Эльбрус и впадает в реку Терек. Терек же впадает в Каспийское море ... Перейдя через реку Кючубей (Кичмалка (?) – К.З.), мы остановились на противоположном берегу на лугу. Та ночь была морозной. Мы страдали от холода ... Все дороги ведут к горе Эльбрус. Эта местность является пограничной областью Таустана. Отсюда, оставив предгорья Эльбруса на юге, мы шли семь часов на восток» [Челеби 1979: 97]. То есть долина Малки, по мнению Эвлия Челеби является уже пограничной зоной «Таустана». Общий контекст повествования, на наш взгляд, позволяет также удовлетворительно интерпретировать все кажущиеся противоречия и снять неясности в определении южных, северных и восточных границ «Таустана», как их видит автор «Книги путешествий» и его местные информаторы. Во-первых, под «горой Эльбрус», Эвлия Челеби часто подразумевает не конкретную вершину, а скорее высокогорную зону Большого Кавказа, его центральную часть, увенчанную вечными ледниками, ориентировочно от Верхней Кубани до верховий Терека и Сунжи, о чем можно судить по следующим пассажам из текста: «В настоящее время между Персидской землей и этой горой Эльбрус есть царство, называемое Дагестанской страной. Дагестан расположен у подножия горы Эльбрус и состоит из семи санджаков. Падишахов этих санджаков называют шамхал-ханамы ... К югу от горы Эльбрус расположена страна Дадиян, а еще южнее находится абхазская земля, и обе они расположены на берегу Черного моря. На западе лежит край Черкесстан, который мы уже описали, проезжая через него. Это область, которую населяют черкесы Кабарды и черкесы Таустана» [Челеби 1979: 95]. В некоторых других местах сочинения авторский текст позволяет трактовать «гору Эльбрус» не столько как конкретную вершину, сколько как определение всей горной системы Большого Кавказа: «В окрестностях горы Эльбрус живут падишахи одиннадцати мелких земель. Они говорят на семидесяти разных наречиях. Языки настолько различны, что люди с трудом понимают друг друга через переводчиков ... К северу от горы Эльбрус на берегу Каспийского моря расположена Московская земля, границей которой является Терская крепость ... Все большие реки, протекающие по землям одиннадцати стран, расположенных около этой горы и в ее окрестностях, берут свое начало в этих высоких горах. Короче говоря, справедливо то, что эта высокая гора Эльбрус и есть пуп вселенной» [Челеби 1979: 93, 95, 96].

Таким образом, южной границей «Таустана», в описании Эвлия Челеби, предстает не вершина Эльбруса, а Большой Кавказский хребет, по которому он граничит

с грузинскими государствами, в том числе Мегрелией – «страной Дадриан». Северные, степные границы Черкесии на протяжении XVI–XVII вв. всегда были самыми прозрачными и подвижными, зависевшими от военно-политической активности кочевых соседей – ногайцев и калмыков. Пределы Кабарды (Большой Кабарды) на севере Эвлия Челеби очерчивает более определенно: «Река Большая Кума, текущая с горы Эльбрус, сливается с рекой Малая Кума (современный Подкумок – К.З.) выше границ Кабарды» [Челеби 1979: 92]. То есть степной фронтير княжества находился несколько севернее нынешнего Георгиевска. Северные границы «Таустана» автором не уточняются, но можно предположить, что они также простирались до степного левобережья нижнего течения Малки и Терека, примыкая к русским владениям в Предкавказье.

Маршрут следования Эвлия Челеби и его спутников по «стране Таустан», судя по описанию, пролегал по равнинной части княжества, причем путешественники имели возможность не только посетить *пиуко*, то есть административный центр и резиденцию правителя на реке Баксан, но и осмотрели развалины древнего Тартупа, а затем переправились на правый берег Терека: «Осмотрев этот разрушенный город (Тартуп – К.З.), мы снова вместе с нашим господином Мухаммед-Гирей-ханом двигались прямо на восток в течение семи часов среди огромных деревьев. Затем, испив воды жизни и перейдя на конях реку Чегем, шли еще два часа [до] реки Лачек (Лескен? – К.З.). Эти две реки начинаются в Дагестане и впадают в реку Терек. Мы перешли эту реку также на лошадях и через четыре часа [достигли реки Терек]. Это великая река, истоки которой, образуясь в Грузии и Семиречье, Тифлисе и Туманисе, Персии и Дагестанском царстве, сливаются ... в единую реку и которая, протекая в западном направлении, впадает в Каспийское море у основания Терской крепости московитов. По реке ходят московские, астраханские, гилянские суда. Слава Аллаху, мы вместе со стремительными татарами благополучно переправились на другой берег Терека на судах» [Челеби 1979: 99–102, 103]. Эвлия Челеби ни словом не упоминает о Джилыхстанее, небольшом, но самостоятельном феодальном владении, выделившемся из Кабардинского княжества еще в первой половине XVI в. и хорошо известном синхронным и более поздним русским письменным источникам [КРО 1957а: 384, 387; КРО 1957б: 114–115, 196; Налоева 2015: 11]. Это тем более удивительно, что в своем описании этнотерриториальных единиц Западной Черкесии он упоминает даже такие небольшие локальные группы адыгов как адами (адэмий), яркуй (еджэрукъай), мамшух (мэхъуэш (?)) и др. [Челеби 1979: 69–71, 76–78]. Возможно, это связано с тем, что район Средней Сунжи и ее притоков – Назрани, Эндерипса и др. – традиционное место локализации селений Джилыхстанее XVII–XVIII вв., остался в стороне от маршрута путешествия Эвлия Челеби, а его информаторы, из числа сопровождавших Мухаммед-Гирея татар, не обладали детальной информацией о всех нюансах этносоциальной номенклатуры «страны Таустан» [КРО 1957а: 384, 387; КРО 1957б: 114–115, 196; Волкова 1974: 51–56].

В описании пути от переправы через Терек, до вступления в пределы владений «Дагестанского падишахства» некими географическими ориентирами у Эвлия Челеби выступают Сунжа в месте ее впадения в Терек и Терский город у устья реки: «Это обширная и древняя страна. Здесь находится Терская крепость московитов. По левую сторону от нас, на расстоянии шести часов пути на берегу какого-то залива Каспийского моря, как белый лебедь, виднелась Терская крепость. Но ни в нее, ни даже близко к ней мы не подошли ... мы не пошли к Терской крепости и прошли мимо на расстоянии шести часов езды от нее. В начале месяца зилькаде 1076 (5 мая 1666) года вступил я в границы исламского Дагестанского падишахства и прошёл по берегу реки Терек на восток 15 часов. Река Сунжа, начинаясь в крае Ачик-Баш в Грузии впадает в великую реку Терек» [104]. На наш взгляд, этот отрывок можно интерпретировать таким образом, что после вступления в пределы

«Дагестанского падишахства», Эвлия Челеби и его спутники только через 15 часов пути достигли места впадения Сунжи в Терек. То есть восточная граница «страны Таустан», по данным автора «Книги путешествий» находилась примерно в 15 часах пути (или 75 км) западнее устья Сунжи и включала в себя район локализации Джиляхстанея.

Население этой обширной территории в описании автора «Книги путешествий» предстает как полиэтничное сообщество, сохраняющее тем не менее общий черкесский облик. Так, описывая главное поселение «страны Таустан» Эвлия Челеби сообщает: «Этот город называют также Таусултан. Это очень благоустроенный древний город ... На берегу реки Бахистан (Баксан – К.З.) осталось около тысячи больших зданий с деревянной кровлей. Остальные разрушил Тимур. Дома во всем Черкессстане крыты камышом и тростником, некоторые же только камышом. Однако строения *пиуко* – это все большие здания с каменными стенами и деревянной кровлей ... Эта страна и представляет собой изначальное Дагестанское падишахство, которое называют Таусултан. Но так как [ныне тот город] потерял свою силу, то его бея не называют шамхал-шахом. Но именно здесь находилась древняя столица Дагестана ... В настоящее время имена беев таковы: Кучурбай-секбан и Джухан-бай-секбан. Однако если их называют падишахами, то это значит, что они родом из Таустана. Они ведут свою родословную от Ануширвана. *Языки их грузинский и черкесский*. Их армия состоит из двенадцати тысяч азнауров, вооруженных двумя тысячами ружей. И все они мусульмане шафиитского толка. *Но вместе с тем они считаются черкесским племенем*. Во все времена они поддерживали связь с грузинским народом, и потому особенности их говоров свидетельствуют о связях с языками грузинским, персидским, кумыкским. *Их торговцы и райяты знают даже язык московитов* ... В этой стране, так же, как и в других черкесских землях, нет ни денег, ни бань, ни базаров, ни виноградников, ни садов. В *пиуко* имеются две соборные мечети и семь приходских мечетей. Хутбу там читают на имя дагестанского падишаха, а кроме того, на их собственного Кучур-секбана. Их образ жизни таков же, как и у прочих господ. Мусульман там мало. *Подданными являются в основном черкесские кяфиры* (курсив наш – К.З.)» [Челеби 1979: 97–98]. Описание Эвлия Челеби одежды жителей Таустана, их внешнего облика также отражает полиэтничный характер населения. Он находит в мужской одежде следы персидского влияния и в то же время, описывая одежду женщин резюмирует: «Они носят такую же одежду, как и черкесские женщины» [Челеби 1979: 98].

Интерпретация полиэтничного характера населения сопряжена с проблемой оценки численности населения «страны Таустан». Единственным статистическим параметром оценки его демографических параметров является фраза Эвлия Челеби об армии, якобы состоящей из 12 тысяч азнауров, т.е. дворян. Опираясь на его данные по мобилизационным ресурсам Кабарды и «страны Таустан» (соответственно в 10 и 12 тыс. воинов), и собственные выкладки о доли «воинского класса» в общей массе населения, Б.Х.Бгажноков оценивал его совокупную численность в обоих княжествах в 440 тыс. человек (соответственно 200 и 240 тыс.) [Бгажноков 2004: 60–65]. Он исходил из произвольного отождествления численности военных контингентов Кабарды и «Таустана» с мобилизационным потенциалом исключительно «воинского класса»: «...Войска набирались не на основе всеобщего призыва, а из среды особой части населения, возложившей на себя функции защиты и безопасности страны. Мы называем эту часть адыгского общества воинским классом. Ведущее место занимало в нем многочисленное дворянство, разделившееся на несколько ступеней, но известное под общим названием уорк – «воин», «рыцарь». По различным оценкам в конце XVIII – первой половине XIX в. у аристократических народностей уорки составляли от 13 до 33% от общей численности ... Кроме того, в воинском классе состояли сословия, известные

под названием бейгуэл (бейголь) и лъхукъуэл¹щауэ (токашевы) ... С учетом князей, бейголей и токашавов численность воинского класса Черкесии составляла около 25–30% от общей численности населения» [Бгажноков 2004: 51–52].

Однако синхронные архивные источники не дают оснований для подобных умозаключений. Эвлия Челеби часто прямо упоминает пехоту, когда оценивает мобилизационный потенциал черкесских княжеств от Хегака до «страны Таустан», а по контексту повествования очевидно, что военные контингенты всех «племен Черкесстана» это не одна кавалерия: «Их пешие воины все имеют ружья и стреляют свинцовыми пулями [так метко, что попадут] в глаз блохе» [Челеби 1979: 56, 59, 78]. При этом оценка турецким путешественником мобилизационного ресурса Большой Кабарды в 1666 г. в 10000 человек буквально совпадает с той информацией, которую в первой трети XVIII в. давали русскому правительству сами кабардинцы. В 1718 г. в «расспросных речах» в Посольском приказе кабардинский посол Султан-Али Абашев заявил: «Черкасских и кабардинских войск выходит в поле до 10 тысяч» [КРО 1957b: 19]. Несколько позднее, в 1732 г. посол Большой Кабарды Магомет Атажукин так оценивал мобилизационный ресурс княжества: «В Большой Кабарде военных людей собирается 10000 человек, половина конных, другая пехоты» [КРО 1957b: 60].

В декабре 1720 г. «расспросные речи» посла Джамбулатовского (Джамботовского) удела Большой Кабарды Саадет-Гирей Салтаналеева, описывавшего его разорение крымцами, дают следующие демографические параметры Джамботея: «И пожгли у них ханские войска деревни и около оных хлеб на поле нежатою и сена в стогах, которые деревни неподалеку от городка их, называемого Черек, с которыми противитца они не могли, ибо их малоллюдно, а именно: *служащих и протчих всяких людей только с 20 тысяч* (курсив наш – К.З.)» [КРО 1957b: 28–29].

Если численность населения одного из трех уделов Большой Кабарды по свидетельству его представителей в это время составляла 20 тыс. человек, то демографические параметры всего княжества вряд ли могли сильно превышать 60 тыс. Эту цифру можно принять как минимальную численность населения Большой Кабарды близкую к реальной. Фамильные уделы Хатокшковых и Мисостовых не могли кратно отличаться по демографическим параметрам от удела Джамбулатовых. Таким образом, 10000 «военных людей» – это практически все взрослое боеспособное мужское население Большой Кабарды. Причем панцирная конница формировалась представителями привилегированных сословий *пицы-уэркъ*, простая бездоспешная кавалерия – из наиболее обеспеченной части свободных непривилегированных сословий (*лъхукъуэщо* или «черные люди», «токашевы», «тукашуки» русских источников), а пехота представляла из себя плохо организованное, но многочисленное крестьянское ополчение, пригодное к использованию в качестве стрелков в лесистой и горной местности [Кожев 2020b]. Широкое распространение огнестрельного оружия со временем несколько увеличило боевую ценность этого рода войск, но даже в первой половине XIX в. черкесская пехота имела ограниченный диапазон применения, что не освобождало зависимые сословия от военной службы или лучше сказать от вынужденного привлечения к боевым действиям в случае крайней нужды. «Никогда почти их [черкесов] пехота – пишет Султан Хан-Гирей – не бывает с кавалериею во время их набегов на русские границы, и тогда только она хорошо дерётся, когда дело происходит в лесу. В войнах же междоусобных и пехота их принимает участие» [Султан Хан-Гирей 2009: 261].

Кроме того, благодаря «Родословной кабардинских князей и мурз» А.И. Лобанова-Ростовского мы имеем детальное описание мобилизационных ресурсов почти всех удельных княжеств Кабарды, и в первую очередь численности военно-служилого сословия, актуальное на нач. 40-х годов XVII в. Для Казиевой Кабарда это «узденей добрых с тысячу с лишком конных, да черных людей з две тысячи с лишком»; для Идарея ветви Сунчалеевичей – «250 человек с лишком, oprичъ

черных людей» и соответственно примерно в два раза больше конницы из «черных людей»; для части Идарея ветвей Битуевых и Камбулатовичей – 105 человек узденей и примерно в два раза больше простой бездоспешной конницы; для Талостанея «узденей конных с семьсот, да черных людей с тысячу и больши»; для Джиляхстанея – примерно 300 узденей, т.е. уорков и соответственно до 600 всадников из «черных людей» [КРО 1957а: 385–387; Кожев 2020b: 19]. Эти данные не оставляют места произвольным умозаключениям по оценке демографических параметров как Кабарды (Казиева Кабарда плюс Идарей ветви Сунчалевиной), так и «страны Таустан» (Талостаней, Джиляхстаней, крошечные микроуделы Битуевых и Камбулатовичей). Видимо, для Кабарды (Большой Кабарды) второй половины XVII – первой трети XVIII в. это неизменные 10000 воинов, в том числе от 4 до 5 тысяч конницы, треть которой составляли профессиональные воины-уорки и соответственно немногим более 60 тыс. населения.

Оценка Эвлией Челеби мобилизационного ресурса «страны Таустан» в 12 тыс. воинов, на наш взгляд, также заслуживает доверия. Но это войско имело более сложный, полиэтнический характер, что, как мы видели из приведенных выше цитат, косвенно подтверждается описанием турецкого путешественника. Если мы возьмем расчетные цифры «Родословной» А.И. Лобанова-Ростовского, которые относятся к нач.40-х годов XVII в., собственно черкесская часть этого войска – контингенты Талостанея, Джиляхстанея, микроуделов Битуевых и Камбулатовых, не могла в совокупности превышать 6,5–7 тыс., в том числе до 3,3–3,5 тыс. конницы, на одну треть состоявшей из профессиональных воинов-уорков. Их численность должна была заметно сократиться в результате поражения в сражении на Малке 12 июля 1641 г. Тогда лидеры Талостанея, Джиляхстанея и Идарея (Битуевы, Камбулатовичи) потерпели сокрушительный разгром от своих соперников – владельцев Казиевой Кабарды [Кожев 2020b: 115–131]. Но за 25 лет, прошедших с момента этого события до путешествия Эвлии Челеби, численность военно-служилого сословия Талостанея и Джиляхстанея вполне могла полностью восстановиться естественным путем со сменой поколений. Остальные 5-6 тыс. воинов должны были приходиться на те этносоциальные группы населения «страны Таустан», которые хорошо известны по другим письменным источникам, но не упоминаются отдельно в описании Эвлии Челеби. Это тюркоязычные и ираноязычные горцы Центрального Кавказа (балкарцы, дигорцы, иронцы) а также локальные группы вайнахов и сванов. Первые упоминания в архивных источниках об их тесных связях с Кабардинским княжеством и ее феодальной аристократией фиксируются еще со второй половины XVI в., с эпохи совместных кабардино-русских военных предприятий Кемиргок Идарова против своих политических соперников и их вассалов из числа горцев [МПИО 1933: 30–31; КРО 1957а: 11, 120, 125, 242; Султан Хан-Гирей 2009: 132; Волкова 1974: 95–96, 111–113, 146–148 и др.]. В период пика могущества Кабардинского княжества его правители последовательно выстраивали иерархические связи с соседними горскими обществами. «Важнейшими жертвами алчности могущественных тогда кабардинцев – писал Султан Хан-Гирей – были абазинцы шестиродные, которых участи не избежали их соположенники ..., кистинские (т.е.ингушские – К.З.) и осетинские колена и другие горные племена» [Султан Хан-Гирей 2009: 132]. Вассальные горцы подвергались внеэкономической эксплуатации и очевидно поставляли в случае необходимости вспомогательные контингенты. Например дигорцы в середине XVII в. платили налоги в пользу князя Хатокшоко Казиева (Большая Кабарда) и тлекулеша Зазаруки Анзорова – знатного вассала Талостановых: «А для де обереганья дают Ходождуке мурзам Черкасским и Зазаруке мурзе Анзорову, с кабака по десяти коров или быков, да по ясырю, да по лошади по доброй, да со двора по овце по суягной, да по четверику пшеницы, да по четверику проса» [Посольство 1926:

119]. Иерархические связи владетелей Талостанея и Джиляхстанея с соседними горскими обществами Центрального Каказа, их своеобразный симбиоз объясняет лапидарную информацию Эвлия Челеби о связях жителей «страны Тало-стан» с «грузинским народом», и том, что «особенности их говоров свидетельствуют о связях с языками грузинским, персидским, кумыкским». Таким образом, автор фиксирует на Центральном Кавказе, в географических границах «Таустана» локальные группы тюркоязычного, ираноязычного населения и постоянную инфильтрацию картвелоязычных групп на северные склоны Кавказа. Последние фиксируются письменными источниками много позже 1666 г. Письменные источники фиксируют исключительно сванское население в верховьях Баксана в первой половине XVIII в. [МПИО 1933: 31; Волкова 1974: 96]. Г.Ю. Клапрот, отражая ситуацию начала XIX в. так описывает демографический облик горских обществ Центрального Кавказа: «Деревня Хулам населена суанскими семьями, которые одеваются на имеретинский лад и называются сони. Они живут не только здесь, но и разбросаны также в соседних горах Кашка-Тау и подчинены кабардинцам, с которыми они обменивают соль и рожь на свои собственные продукты и рабов обоего пола» [АБКИЕА 1974: 256]. Применяя типичное для Кабарды (Большой Кабарды) соотношение численности воинов к общей массе населения, демографические параметры «страны Таустан» из описания Эвлия Челеби можно оценить примерно в 72 тыс. человек. Эта цифра, как и 60 тыс. человек для Кабарды (Большой Кабарды), конечно же величины условные, оценочные, но на наш взгляд, близкие к реальным.

Таким образом, черкесское население Талостанея, Джиляхстанея и осколков Идарея (линиджей Битуевых и Камбулатовичей) составляло чуть более половины общей массы населения «страны Таустан». По данным «Родословной» А.И. Лобанова-Ростовского, скорректированных с учетом оценки числа вотчин-кѳуажѳ в Джиляхстанее в середине XVIII в., это этнополитическое ядро «Таустана» группировалось в примерно 66 селениях-кабаках [КРО 1957а: 385, 387; КРО 1957а: 114–115, 196]. То, что 40 из них были наследственным уделом Талостановых, объясняет, почему информаторы Эвлия Челеби маркировали обширное пространство от левобережья Малки до Средней Сунжи, и от Большого Кавказского хребта до Притеречных степей родовым именем этого линиджа Иналидов Кабарды, проигнорировав остальных. Практически, картина описанная Эвлия Челеби в соответствующем разделе «Книги путешествий», отражает уникальную, но кратковременную картину возвышения Талостанея на фоне сецессии этнополитического ядра Кабардинского княжества (Кѳѳбѳрдей или Большая Кабарда) в регион Верхней Кубани и Пятигорья. На время жизни одного поколения, хороним Талостаней, встал в один ряд с политонимами более высокого таксономического уровня – Жаней, Хатукай, Болотокай (Кемиргой) и др., подчиняя и покрывая собой более слабые, малочисленные феодальные образования Восточной Черкесии. Видимо этот процесс нашел отражение лишь в крымско-османской номенклатуре этносоциальных единиц «Черкесстана» второй половины XVII в., так как синхронным русским источникам этот политоним в таком качестве совершенно неизвестен. Гетерогенность населения «страны Таустан», отсутствие вертикальных, иерархических связей между различными сегментами-уделами черкесского демографического ядра помешали полному развитию и реализации данных тенденций. А конкуренция с политически консолидированным, этносоциально и культурно однородным ядром Кабардинского княжества (Кѳѳбѳрдей или Большая Кабарда) уже к концу XVII в. положило конец локальной гегемонии «страны Таустан» в Центральном Предкавказье. В последующем, с ослаблением и пресечением княжеского дома Талостановых в XIX в., политоним Талостаней даже оказался вытеснен на периферию исторической памяти и традиционной этнонимии восточных адыгов.

Список источников и литературы

- АБКИЕА 1974 – *Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.* / сост., ред. переводов, введ. и вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. 636 с.
- Бгажноков 2004 – *Бгажноков Б.Х.* Военный класс и демографическое пространство Черкесии в XVII – середине XIX в. // Вестник института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 2004. Вып. 11. С. 45–81.
- Волкова 1974 – *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XX века. М.: Наука, 1974. 276 с.
- Дзамихов 2001 – *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе. Нальчик: Эль-Фа, 2001. 410 с.
- Кожев 2020а – *Кожев З.А.* Очерки военно-политической истории Черкесии XV–XVII вв. Нальчик: Принт Центр, 2020. 144 с.
- Кожев 2020б – *Кожев З.А.* Численность военно-служилого сословия Кабарды в эпоху зрелости традиционного общества (XVI–XVIII вв.) // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 4. С. 12–26.
- КРО 1957а – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах. Т. I.* М.: Изд-во АН СССР, 1957. 478 с.
- КРО 1957б – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах. Т. II.* М.: Изд-во АН СССР, 1957. 424 с.
- МПИО 1933 – *Материалы по истории Осетии (XVIII век) / Документы собрал, введением и примечаниями снабдил Георгий Кокиев. Т. I.* Орджоникидзе: Растизнад, 1933. 348 с.
- Налоева 2015 – *Налоева Е.Д.* Генеалогия кабардинских князей как исторический источник // Налоева Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-экономической истории / Сост. А.С. Мирзоев. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. 371 с. (Приложение)
- Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. 232 с.
- Посольство 1926 – *Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию, 1650–1652 / Документы издал и введением снабдил М. Полиевктов.* Тифлис: Изд-во Тифлисского университета, 1926. 230 с.
- Султан Хан-Гирей 2009 – *Султан Хан-Гирей.* Избранные труды и документы. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. 672 с.
- Челеби 1979 – *Челеби Эвлия.* Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. М.: Наука, 1979. 288 с.

References

- Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestijah evropejskih avtorov XIII–XIX vv.* [Adygs, balkarians and karachais in the news of european authors of the XIII–XIX centuries] / sost., red. perevodov, vved. i vstup. stat' i k tekstam V.K. Gardanova. Nal'chik: Jel'brus, 1974. 636 p. (In Russian)
- BGAZHNOKOV B.Kh. *Voinskii klass i demograficheskoe prostranstvo Cherkessii v XVII – seredine XIX v.* [Military class and demographic space of Circassia in the 17th – mid 19th centuries]. IN: *Istoricheskii vestnik*. 2004. Issue 11. P. 45–81. (In Russian)
- CHELEBI, EVLIYA. *Kniga puteshestviya. Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya. Vyp. 2* [Travel book. The lands of the North Caucasus, Volga and Don region. Issue 2]. Moscow: Nauka, 1979. 288 p. (In Russian)
- DZAMIKHOV K. F. *Adygi v politike Rossii na Kavkaze* [Adygi in the politics of Russia in the Caucasus]. Nalchik: El'-Fa, 2001. 410 p. (In Russian)
- Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. T. I.* [Kabardian-russian relations in the XVI–XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes. Vol. I]. M: Izd-vo AN SSSR, 1957. 478 p. (In Russian)
- Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. T. II.* [Kabardian-russian relations in the XVI–XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes. Vol. II]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. 424 p. (In Russian)
- KOZHEV Z.A. *Ocherki voenno-politicheskoi istorii Cherkessii XV–XVII vv.* [Essays on the military and political history of Chircassia in the XV–XVII centuries]. Nalchik: Print Center, 2020. 144 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Chislennost' voenno-sluzhilogo sosloviya Kabardy v epokhu zrelosti traditsionnogo obshchestva (XVI–XVIII vv.)* [The number of military personnel in Kabarda during the maturity of traditional society (16th–18th centuries)] // *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. 2020. № 4. P. 12–26. (In Russian)

Materialy po istorii Osetii (XVIII vek) / Dokumenty sobral, vvedeniem i primechaniyami snabdil Georgii Kokiev [Materials on the history of Ossetia (17th century) / Documents collected, introduction and notes provided by Georgy Kokiev Vol. 1]. T. 1. Ordzhonikidze: Rastzinad, 1933. 348 p. (In Russian)

NALOEVA E.D. *Genealogiya kabardinskikh knyazei kak istoricheskii istochnik* [The genealogy of the Kabardian princes as a historical source (An album of 14 genealogical maps)]. IN: NALOEVA E.D. *Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygskogo feodal'nogo sotsiuma i problemy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii* / Sost. A.S. Mirzoev [Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and the problems of socio-economic history. Compiled by A.S. Mirzoev]. Nalchik: Pechatny Dvor Ltd., 2015. 371 p. (Prilozhenie) (In Russian).

NOGMOV SH.B. *Istoriya adykheiskogo naroda* [The history of the adyghe people]. Nalchik: Elbrus, 1994. 232 p. (In Russian)

Posol'stvo stol'nika Tolochanova i d'yaka Ievleva v Imeretiyu, 1650–1652 / Dokumenty izdal i vvedeniem snabdil M. Polievktov [Embassy of Stolnik Tolochanov and Clerk Ievlev to Imeretia, 1650–1652 / Documents published and provided an introduction by M. Polievktov]. Tiflis: Izd-vo Tiflisskogo universiteta, 1926. 230 p. (In Russian)

VOLKOVA N.G. *Jetnicheskij sostav naselenija Severnogo Kavkaza v XVIII – nach. XX veka* [Ethnic composition of the population of the North Caucasus in the 18th – early 20th centuries]. M.: Nauka, 1974. 276 p. (In Russian)

SULTAN KHAN-GIREY. *Izbrannye trudy i dokumenty* [Selected works and documents]. Maykop: Poligraf-Yug, 2009. 672 p. (In Russian)

Информация об авторе

З.А. Кожев – кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой и новой истории.

Information about the author

Z.A. Kozhev – Candidate of Science (History), Head of the Sector of Medieval and Modern History.

Статья поступила в редакцию 12.08.2025; одобрена после рецензирования 09.09.2025; принята к публикации 30.09.2025.

The article was submitted 12.08.2025; approved after reviewing 09.09.2025; accepted for publication 30.09.2025.